

*Любовь не там,
где ищешь...*

Аркадий Тимофеев

Аркадий Тимофеев

**Любовь не там,
где ищешь... Роман**

«Издательские решения»

Тимофеев А.

Любовь не там, где ищешь... Роман / А. Тимофеев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834683-5

Мы часто ошибаемся в любви и сталкиваемся с пороками человеческими, которые мешают проснуться настоящим чувствам. Эти ошибки часто стоят очень дорого. Бывает и так, что совершенно случайно мы встречаем любовь в самых необычных местах... В голове дьявол, а в сердце Бог! Любите сердцем и душой. Какой бы не был мужчина сильным, а женщина в его жизни, её любовь, тепло и забота, нужны ему всегда, особенно когда судьба ставит подножку, а некогда верные и близкие люди предают.

ISBN 978-5-44-834683-5

© Тимофеев А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	7
Свидание в Риме	8
Парк Вилла Боргезе	15
Закат на берегу	18
Воспоминания Парижа	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Любовь не там, где ищешь...

Роман

Аркадий Тимофеев

Фотограф Никита #этоживыефото Хнюнин

© Аркадий Тимофеев, 2017

© Никита #этоживыефото Хнюнин, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4483-4683-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Мы часто ошибаемся в любви и сталкиваемся с пороками человеческими, которые мешают проснуться настоящим чувствам. Эти ошибки часто стоят очень дорого. Бывает и так, что совершенно случайно, мы встречаем любовь в самых необычных местах.. В голове дьявол, а в сердце Бог! Любите сердцем и душой. Какой бы не был мужчина сильным, а женщина в его жизни, её любовь, тепло и забота, нужны ему всегда, особенно когда судьба ставит подножку, а некогда верные и близкие люди предают.

Свидание в Риме

*Лишь тот, кто ждет – оценит встречу, в разлуке нет ничьей
вины — кто не любил – тот гасит свечи, кто любит – тот горит
внутри.*

Эль Твит

Мы встретились возле Колизея, она была в легком красном платье с вышитыми золотой ниткой причудливыми завитыми узорами. С букетом алых роз Scarlet Queen Elizabeth, под цвет ее шелкового платья, я подошел, окрыленный от того, что наконец-то я ее нашел, она улыбалась, ямочки на щеках в лучах утреннего солнца выглядели еще красивей. Солнце бросало лучи света так, что в глубине образовывалась крохотная, еле заметная тень, еще больше подчеркивая присутствие этих манящих и будоражащих разум, маленьких и аккуратненьких «вулканчиков» радости и счастья, когда она улыбалась или смеялась. Ее маленькая родинка на левой щеке, чуть ближе к чувственным, малиновым губам, была словно черная жемчужинка на белом песке дна океана. Заманчивая для ныряльщиков, которые любят красотах подводного мира. Словно черная бусинка, которую обрели на розовом покрывале ее нежной кожи.

А ее глаза, боже, эти глаза! Два бездонных горных озера с нежно-зеленой водой, с отражающимися в ней голубым небом и зелеными лугами вперемешку с зелеными макушками соснового леса, смешивали краску до такого бирюзового, пленящего мое сердце, цвета, что, буквально, тонул в них, но мне не хотелось, чтобы меня кто-нибудь спасал. Хотелось тонуть в них каждый раз, как только смотрю в них. Они словно разлились рядом с милым, нежным холмиком носа. Хотелось опуститься на самое дно, и остаться навечно там, где находится душа. Ведь глаза – зеркало души, и хочется остаться в ней, стать ее частью, знать, что в ней, изучить каждый уголок. Это были словно два одинаково ограненных рукой неведомого мастера до идеала камушка бирюзы в чудесной оправе ее глаз с длинными черными ресницами. Когда она смеялась, то в глазах сразу был виден огонек, искра счастья. Да что там искра и огонек, там сразу виден костер радости и пожарище счастья, ради которого стоит делать любые сумасшедшие поступки, на которые у обычного человека, который не любит всей душой и сердцем, просто не хватит смелости. Ведь когда человек любит, у него вырастают крылья, которые не видит тот, кто никогда не любил по-настоящему. Любовь – самое высокое чувство человека, любовь – «топливо», подпитка души человеческой, а душа двигает человека на поступки.

Любуясь ей, словно картиной, нарисованной самим солнцем, красивее «Моны Лизы» самого Леонардо да Винчи, которое до сих пор рисовало ее своими лучами, как невидимой кистью, с самой яркой и сочной акварелью, я вспомнил строки Эдуарда Асадова:

Ну каким ты владеешь секретом?
Чем взяла меня и когда?
Но с тобой я всегда, всегда,
Днем и ночью, зимой и летом!..

Подарив цветы, поцеловал в разрумившиеся от утреннего солнца щечки и розовые губы, которые на вкус были как спелая малина, сладкие, нежные, чувственные... От них еще долго оставался ароматный, ягодно-медовый привкус на губах и ощущение чего-то божественного и неземного... Хотелось, чтобы этот привкус навсегда остался, не хотелось даже облизывать губы, а наслаждаться этим вкусом всю жизнь, днем и ночью, утром и вечером... Зимой и летом... Осенью и весной....

– Привет, Ромочка! Хорошо, что ты меня нашел, я долго ждала этого дня! – улыбаясь, произнесла она, шурясь от солнца.

– Привет, Анжелика! Это было не просто, но все же мы снова вместе – улыбнувшись, ответил я, беря ее за руку.

Постояв пару минут, глядя друг другу в глаза, она утонула носиком в пышном букете, и, жадно вдыхая аромат свежих, с капельками влаги на лепестках, цветов, мы пошли от площади Колизея, через парк Colle Oppio в сторону базилики Санта-Марии-Маджоре. Яркое светило солнце, но изнывающей жары не было, так как это было раннее утро. Ночная прохлада еще витала в воздухе этого древнего города. Брусчатая мостовая еще не была так раскалена южным палящим солнцем, а отдавала холодом от остывших за ночь булыжников. Весь день был впереди... Вместе, только я и Анжелика... До самого вечера, а может, и до самого утра, чтобы встретить рассвет в апельсиновом саду, в парке Савелло, на холме Авентин, в одном из самых романтических мест в Риме...

Дойдя до площади Piazza di S. Maria Maggiore, мы зашли позавтракать в кафе Rustichelli & Mangione, с видом на базилику и старинную площадь. Официант лениво, почти зевая, принес нам меню в кожаном переплете с бронзовыми буквами, которыми было написано название кафе причудливым, но красивым древнеримским шрифтом. Взяв немного пошарпанную папку, я выбрал себе чашечку американо, но в Италии его называют lungo, два корнетто с шоколадом, что-то вроде французского круассана, и одну пиццетту с ветчиной и сыром. Анжелика, глядя в меню, долго его листала, но так и не смогла ничего придумать, предложила сделать выбор мне. Отложив на краешек стола потертое меню, шурша прозрачной оберткой, она взяла свой букет цветов и снова утонула в алом царстве лепестков, морща свой милый носик, вдохнула полной грудью аромат, закрыв при этом мечтательно глаза и улыбнувшись до этих милых ямочек на щеках. Заметив эти великолепные «вулканчики», улыбка меня тут же не заставила себя ждать. Ох, эти ямочки... Как тогда в Париже, ранней осенью на Сене, пленили меня и мое сердце, так с каждым разом, как только их увижу, все больше и больше становлюсь как котенок, перед их неземной красотой, мурлыкающий и урчащий, когда ему чешут за ушком или шейку. Солнце, как будто специально зная, что я смотрю, светило на нее сквозь прозрачную крышу террасы, где мы расположились на завтрак. Теплые лучи утреннего солнца ласкали ее щеки, вновь даря эту подчеркивающую тень в ямочках и золотя русые локоны волос на челке, которая, как обычно, падала на один глаз, закрывая его полностью, придавая особый шарм, загадочность и неповторимость. Даже по-детски она была просто прекрасна как маленькая девочка, в этом потоке солнечного света. Хотелось взять на руки, посадить на шею и бегать, как мальчишка, по лугам некошеной травы, валяться в густых зарослях ржи, срывать полевые цветы, плести из них венки, надевая на ее детскую головку с русыми косичками.

Выбор мой был долгим, хотелось, чтобы понравилось и она позавтракала с удовольствием, поэтому пришлось заказать чашечку ароматного latte macchiato с ванильным сиропом и два свежее выпеченных канолло с шоколадом. Любуясь тем, как она наслаждалась ароматом бутонов, сразу появилось желание совершить что-нибудь сумасшедшее, невообразимое, такое, чтобы весь мир перевернулся. В моей поэтической голове мелькнули тут же строчки:

«Вдыхая аромат бутонов алых роз,
Глаза закрыв, ты улетаешь в город грез.
Щечки румяные солнцем южным согрело,
Смотрю на нее и хочу танцевать тарантеллу!»

Выпив кофе, мы посидели еще минут десять, поболтали, полюбовались площадью и базиликой Святой Марии. Выйдя на залитую солнечным светом площадь, мы сфотографировались на ее фоне, попросив какого-то старого итальянца с тросточкой помочь нам в этом, долго объ-

ясняя ему, как обращаться с фотоаппаратом. Сытые и довольные, смеясь над маленькой бездомной собачкой, которая тащила огромную кость, то и дело цепляясь за парковочные столбики, мы направились в сторону San Carlo alle Quattro Fontane, что значит «церковь святого Карла у четырех фонтанов», группа из четырех фонтанов в стиле позднеренессансных на пересечении улиц Четырех фонтанов. Пройдя через них, мы задержались минут на пятнадцать, фотографируя и любуясь архитектурой старого города. Солнце начинало греть все сильнее, становилось жарко, но в тесных улочках жара так не чувствовалась, гулял достаточно прохладный ветерок в переулках, и стены домов, остывшие за ночь, отдавали свою прохладу и закрывали от солнца.

Вдоволь пощелкав фотоаппаратом, путь лежал дальше, мы пошли в сторону площади Испании, посидели возле фонтана *Barcaccia Fountain*, который был построен в виде затонувшей лодки по заказу папы Урбана VIII, по проекту Пьетро Бернини, отца Джованни Лоренцо Бернини в 1629 году. Наслаждаясь играющими на солнце брызгами и струями воды, вылетающими из непонятных лепнин, в виде голов, на корме и носу лодки. На площади уже стали собираться люди, туристы, торговцы газетами, пожилые итальянцы, разные люди приходили на эту площадь. Пенсионеры сидели на лавочках, разговаривали между собой и кормили важно шагающих голубей. Туристы щелкали фотоаппаратами, и на всех языках мира стоял гул над всей площадью. Из близлежащих кофеен наперебой играла музыка, Челентано, Рамазотти, Аль Бано. Торговцы газет наперебой выкрикивали заголовки, чтобы привлечь внимание и продать свой товар. Мальчишки копошились в фонтане, доставая монетки, которые бросали туристы в надежде вернуться сюда снова. Я прекрасно понимаю этих туристов, сюда хочется возвращаться, снова и снова. В этом городе просто проникаешься стариной, романтикой, итальянским темпераментом, что иногда кажется, что сами итальянцы не разговаривают, а ругаются между собой. Это необыкновенный город, как и сама страна Италия и ее жители.

Насладившись вдоволь всей этой необыкновенной, по-итальянски темпераментной суетой, фонтаном, ее губами, мягкими, как подушечка из китайского шелка, нежными, как свежий зефир с нежно-малиновым оттенком и вкусом самой ягоды, спелой и сочной, как будто только что сорванной с куста, все это под весь этот шум и гвалт на площади Испании.

Мы встали, разогнав стаю откормленных и наглых голубей, которые клевали семечки из рук двух стареньких дам итальянок. Не спеша пошли под уже палящим солнцем, в сторону *Piazza del Popolo*.

Piazza del Popolo – «Народная площадь», на которой находится базилика Санта-Марии дель Пополо, церковь ордена августинцев в Риме, от которой берет название сама площадь. Возле собора мы попросили пару туристов из Китая сделать пару хороших снимков на фоне базилики, зашли внутрь полюбоваться росписью капеллы, мастерами раннего барокко, рукой Аннибале Карраччи и Караваджо. Сделав пару фотографий, вышли на прогретую солнцем улицу и направились в сторону парка «Вилла Боргезе», который расположился на холме Пинчо. Время подходило к обеду, сильно захотелось отведать пасты и равиоли, точнее, просто пообедать, запивая бокалом вина «Брунелло ди Монтальчино» из Тосканы, изготовленного из сорта винограда брунелло, но местные его называют «Санджовезе» растущего на виноградниках, расположенных в предместье города Монтальчино, и стаканом свежавыжатого морковного сока со сливками, для меня нет ничего вкуснее...

Увидев на другой стороне площади, ресторан *Rosati*, мы направились в его сторону через всю площадь, по пути распуская голубей, важно гулявших гурьбой возле египетского обелиска, на котором восхваляли деяние фараона Рамсеса II. Самое интересное, что этот обелиск был перенесен из Гелиополя в Рим по прихоти Октавиана Августа в 10 г. до нашей эры. На протяжении столетий он стоял в Большом цирке, а к северным воротам Рима был перенесен по указанию папы Сикста V.

Это был старый ресторан, который расположился в районе площади на углу с улицей Via di Ripetta еще с двадцатых годов прошлого столетия. Это было одно из самых известных заведений Рима. На входе в ресторан нас приветливо встретил хостес, типичный итальянец, черно-волосый, с усиками, невысокого роста, шустрый и приветливый, узнав у нас, где бы мы хотели присесть, любезно пригласил нас за столик в углу ресторана, где было прохладно от кондиционера, и немного вдали от основного зала, что давало полное чувство уединенности. Нам хотелось побыть в тишине, вдали от суеты и шума людей, чтобы спокойно пообедать и поговорить, на уличной террасе было жарко и многолюдно. В ресторане было очень просторно и уютно, светлые стены и яркие светильники создавали ощущение этого простора. Деревянная под старину мебель вписывалась в интерьер просто великолепно, чем-то напоминая стиль барокко. Играла приятная сборка итальянской эстрады, Пупо, настоящее имя Энцо Гинацци с песней, которая не дает сидеть на месте никому C'glato Al Cioccolato, Тото Кутуньо с самой известной на весь мир песней L'italiano, кстати победитель конкурса «Евровидение» в 1990 году, Умберто Антонио Тоцци и Риккардо Фольи – победитель конкурса итальянской песни в Сан-Ремо в 1982 году.

Официант принес нам меню и, улыбнувшись, что-то буркнул непонятное, слегка откланявшись, удалился. Изучив меню, к нам подошел все тот же улыбающийся официант лет 35, с черными лакированными волосами и маленькими усиками. Чем-то он напоминал мне гангстера из фильмов про итальянскую мафию Нью-Йорка, но только вид его фартука с надписью ресторана Rosati возвращал меня в реальность.

Мы заказали по порции куриного супа stracciatella romana, на второе ей захотелось рыбы, поэтому заказала стейк из подкопченной трески merluzzo affumicato с овощами-гриль. Мне же захотелось отведать бараньих ребрышек Costole di anello с картофельными дольками. Два салата di Benevento, микс салатов Айсберг, Лола-Россо, с помидорками черри, сладкой кукурузой, авокадо, сыром Asiago, маринованными опятами с обжаренной грудкой цыпленка, заправленными медовым соусом. Ну и, конечно же, бокал красного вина «Брунелло ди Монтальчино» и два стакана моего любимого, морковного сока со сливками. На десерт решили взять по струделю di moga, чайничек ароматного чая с бергамотом и лимоном. Пока мы ждали заказ, она спросила, глядя с радостью и грустью одновременно в своих очаровательных, бирюзовых глазах:

– Почему ты не звонил и не писал мне так долго? С осени прошло почти десять месяцев! Я каждый день ждала твоего звонка или хоть какой-то весточки, знаешь, как это было тяжело и больно? Когда я приехала домой, то сразу тебе позвонила, но телефон не отвечал, он был выключен. Я не знала, что думать. Я три дня обрывала телефон.

Взяв ее ладошку, положив на свою, накрыл второй рукой, пристально глядя, виноватым взглядом, в глаза, ответил дрожащим от волнения голосом:

– Анжелика! Когда я улетал из Парижа, у меня украли сумку с телефоном, бумажником и записной книжкой. Мне тогда повезло еще, что паспорт и другие документы лежали в кармане пиджака, и я не остался на неделю в аэропорту Шарль-де-Голль, в ожидании восстановления или нахождения моих документов. В бумажнике также ничего ценного не было, пара сотен евро и две банковских карты, специально для поездок, которые я тут же заблокировал. Хорошо, что номера телефонов я синхронизирую до поездок на компьютере, но твой записал как раз в поездке, и его не оказалось в списке телефонов.

Анжелика смотрела мне в глаза, в уголках накапливались слезы, я не понимал, верит она мне или нет, продолжая рассказывать о своих злоключениях:

– Прилетев домой, неделю разбирался с делами, все время думая о тебе и не находя себе места. Не мог долго уснуть по вечерам, ерзая головой по подушке, крутясь как юла, под одеялом. Когда основные дела были сделаны, я кинулся на твои поиски, подключив все свои каналы и знакомства. Я знал твоё имя и фамилию, город, и все. Спустя какое-то время мне

прислали список девушек с таким же именем и фамилией, как и у тебя. Вас было двенадцать человек с одного города.

Тут нам принесли салат, прервав разговор, я попросил официанта принести нам бутылочку минеральной воды и два стакана. В горле пересохло от волнения, сильно хотелось пить. Взяв салфетку, Анжелика вытирала слезы, которые катились из переполненных глаз. Улыбнувшись, она встала, сказав: «Я сейчас!», пошла в дамскую комнату. Оставшись один, я внимательно смотрел на площадь, которая была словно муравейник наполнена людьми, было ощущение, что как будто в кастрюле кипит суп, то и дело по поверхности всплывали, кружась, ингредиенты этого варева. Пока я смотрел, вспоминал те тяжелые десять месяцев. От мыслей меня отдернула она, вернувшаяся с приведенными в порядок глазами. И я продолжил:

– Мне предстояло проверить все адреса, на это ушло десять месяцев, потому что не получалось за один-два дня нахождения в городе обойти, объехать много адресов. Я приходил в каждый дом и показывал твою фотографию в телефоне, как тем, кто открывал, так и соседям тех квартир, где никого не было. Пока, на десятом адресе... «Как это символично» – подумал я... Мне одна старушка возле подъезда на лавочке не сказала, что она тебя знает, и что ты сегодня утром уехала в аэропорт. Также она мне сказала, что завтра приедет твоя мама с дачи, которая точно знает, куда ты уехала.

У нее снова стали накапливаться слезы, она промачивала их салфеткой, с улыбкой глядя на меня, в глазах все больше появлялось радости.

– На следующий день – продолжил рассказывать ей свою историю – приехала твоя мама поздно вечером, я ждал на лавочке, подъехало такси, она вышла с сумкой, я сразу узнал ее. Вы очень с ней похожи. Предложив помочь, поднялись в квартиру, я показал ей фотографию, вкратце рассказав, где мы познакомились, спросив, где ты. «Так вот о ком она мне прожужжала все уши за это время!». Она мне рассказала, как тебе было плохо и что ты уехала на две-три недели в Рим, а где остановилась, точно не знала, но дала телефон, предупредив, правда, что редко его включаешь в поездках, о чем я и сам знал прекрасно, но промолчал. Посидев, попив чай с печеньем, которая она сама готовит, минут тридцать, поблагодарив за все, я умчался в аэропорт, лететь домой, собираться в Рим. Прилетев сюда, в Рим, попытался несколько раз позвонить, но тщетно, как и следовало ожидать, телефон был выключен. Пришлось звонить в офис начальнику службы безопасности и просить, по своим каналам, проверить брони во всех гостиницах Рима. На что он потратил два дня, которые, я, чтобы не тратить зря времени, провел в поисках, в окрестностях своего отеля, обойдя почти все гостиницы, расспрашивая, не остановилась ли ты у них. Через пару дней позвонил вечером мой отставной полковник полиции и сообщил, где ты остановилась, я тут же поехал по адресу. Приехав в отель, портье сказал, что ты уехала сегодня утром на экскурсию в Неаполь, посмотреть Везувий и посетить Помпеи и Геркуланум. Будешь завтра поздно вечером. Я написал записку с местом и временем и через два дня ждал уже у Колизея... И вот мы снова вместе, ты рядом со мной...

Дослушав рассказ, Анжелика сидела и тихонько плакала, перебравшись на ее сторону дивана и прижав крепко к себе, вытирая рукой слезы, катившиеся из глаз и целуя ее в щеку, с этим желанными ямочками, ушко, лоб – везде, куда только могли попасть мои губы. Шепча при этом в ушко:

– Теперь никуда так просто не отпущу, не потеряю и не отдам никому! Перестань, не надо плакать, все позади, мы снова вместе!

Подняв голову и посмотрев в мои глаза, она спросила, как будто бедный маленький котенок, всхлипывая и как бы мяукая:

– Точно не исчезнешь больше никогда? Обещай мне, Ромка!

Улыбнувшись от этого милого вида, представив себе беззащитную маленькую мяукающую кошечку, обняв еще крепче, уверенно ответил, целуя в малиновые губы:

– Никогда, никогда, обещаю! Слово мужчины!

Заулыбавшись до самых ямочек, Анжелика обвила мне руками шею и прошептала, все еще шмыгая и всхлипывая:

– Я тебе верю!

Расцеловав меня в ухо, шею, щеку, со словами «Я сейчас!», легкой и воздушной походкой пошла приводить себя в порядок....

Тем временем официант – «гангстер», подал суп, расставив его на столе, разложив приборы и поставив корзиночку с хлебом и ржаными булочками, пожелал приятного аппетита, ретировался снова на кухню. Аромат от чашек поднимался легким паром, что вызвало у меня жуткий аппетит.

Повернув голову в сторону уборных, я с нетерпением ждал ее появления. Она вышла сияющая и румяная от слез и переживаний, но глаза уже светились счастьем, улыбка не сходила с лица, образовывая эти прелестные ямочки, дорогие моему сердцу. Я любовался каждым шагом, она словно плыла через весь зал, и он наполнялся светом от ее счастливого сияния.

Проходя через весь зал, путь пролегал мимо столика, где сидели два упитанных, довольно-таки уже подвыпивших мужчин, явно немцев, судя по их пивным животам. Они выкрикивали в ее сторону что-то явно нехорошее, при этом дико смеялись между собой и, махая своими пухлыми руками в ее сторону, жестом приглашали присесть с ними за стол и, показывая на кружки пива, намекая выпить с ними. Не обращая и не поворачивая головы, с лица Анжелики пропала та счастливая улыбка, оставив лишь еле заметные уголки губ, приподнятых в подобии ухмылки. Один из мужчин встал из-за стола и пошел ей наперерез, смеясь и шатаясь, что-то кричал на своем немецком, теперь уже было слышно, этот режущий слух язык. Внимательно наблюдая эту картину, я ясно понимал, что их пути пересекутся скоро, поэтому, отложив в сторону салфетку, встал из-за стола и пошел ей навстречу, прокручивая в голове исход событий. Наглый и пьяный бюргер чуть раньше преградил встал на ее пути и начал нагловатым, хамским образом хватать за руки и тащить за свой столик. К нему тут же ринулись официанты и охрана ресторана, но я оказался там раньше их. Резким движением, схватив его за промокшую потом рубашку на спине, отдернул в сторону, освобождая ей проход. Недолго думая, Анжелика прошмыгнула мне за спину и пробежала к нашему столику. Немец, обернувшись в мою сторону, не ожидая такого резкого поворота событий, пошел на меня своим массивным телом, по пути что-то рыча, как дикая собака Динго, на своем языке. Выставив вперед руки, я предупредил его на английском, что проблемы никому не нужны и чтобы он вел себя прилично, сел на свое место допивать свое пиво с другом, никому не мешая. Немец понял, что я ему сказал, попытался было ответить что-то типа: «Не лезь не в свое дело!», поднял руку, замахиваясь в мою сторону, для удара... Это была его ошибка. Резким ударом тыльной стороны ладони мне пришлось врезать ему такую оплеуху, что он от неожиданности присел на корточки, а его затуманенный мозг, от алкоголя отобрав чувство равновесия, предложил присесть на пол, растянув ноги в стороны. Немного отрезвев от удара, бюргер смотрел на меня налитыми злом глазами, но вступить в схватку явно не решался, да и работники ресторана подоспели вовремя к нему и его поднимавшемуся из-за стола другу, который, наверное, хотел помочь своему товарищу или так же рядышком присесть на пол отдохнуть, посередине ресторана. Глядя в гневные глаза этого осоловевшего от пива мужика, я произнес ему на английском еще раз четко и понятно:

– Мужчина, вы находитесь в приличном месте, будьте добры вести себя прилично и не приставать к дамам! А просто сидеть, наслаждаться обществом своего друга, попивая пиво и закусывая креветками!

Протянув ему руку, помог ему подняться, похлопав по плечу, улыбнувшись, жестом указал ему на его стул за столом, как бы приглашая его присесть. У немца поменялось выражение лица, злоба из глаз исчезла, наверное, протрезвел более основательно, чтобы что-то сообщать. И, извинившись, сел за свой столик и продолжил трапезу в обществе своего друга.

Сотрудники ресторана, видя, что конфликт исчерпан, разошлись по своим местам. Потирая слегка отшибленную руку, я прошел к нашему столику, где сидела Анжелика с испуганными глазами. Обняв и поцеловав, я погладил ее по русой головке. Увидев, что немцы сидят спокойно, она успокоилась и снова разулыбалась ослепительной, счастливой улыбкой, взяла букет, утопая в лепестках и закрывая глаза, набрала полной грудью аромат цветов.

Парк Вилла Боргезе

*Только в минуты свидания и разлуки люди знают, сколько любви
таило их сердце.*

Жан Поль Рихтер

Пока мы наслаждались блюдами нашего обеда и рассказывали друг другу о том, что случилось в наших жизнях за последние десять месяцев, к нам подошел протрезвевший, но красивый, то ли от стыда, то ли от алкоголя, все еще находящегося в его крови, немец и, извиняясь за свое недостойное поведение, протянув мне руку, крепко ее пожал. Перед ней он, виновато опустив немного голову, приложив руку к левой груди, сказал:

– Мадам, я был изрядно пьян и, находясь в эйфории веселья, случайным образом напугал вас, что не достойно поведения мужчины! Приношу свои искренние извинения за непристойное поведение!» – протянув руку, жестом прося, чтобы она дала ему свою, наклонившись, поцеловал ее и, откланявшись, стал удаляться, услышав в ответ:

– Я принимаю ваши извинения! Надеюсь, этой ошибки вы больше не повторите!

Допив ароматный чай, мы задержались еще на сорок минут, не желая никуда идти, счет был оплачен, да и не гнал нас никто, мы спокойно отдыхали после обеда. В Италии была сиеста, нам пришлось подхватить эту традицию южных стран. Сиеста – традиция многих южных стран с жарким климатом, послеобеденное время, когда все отдыхают, так как стоит невероятная жара. Мы решили тоже не выходить пока что на улицу, насладившись прохладой в ресторане, под кондиционером.

Насидевшись, наговорившись, мы встали из-за стола и направились к выходу, поблагодарив персонал за обслуживание, вышли под палящее солнце Рима. На улице было достаточно многолюдно, но в основной своей массе это были шнырявшие по всему городу туристы, итальянцы все сидели по домам.

Поднявшись по улице Viale del Muro Torto на холм Пинчо, мы подошли ко входу в парк «Вилла Боргезе». У входа в парк, как и у многих парков всего мира, располагались палатки с мороженым, шариками, с сувенирами и прочими безделушками, которые сметали туристы.

«Вилла Боргезе» представлял из себя огромнейший по размерам римский ландшафтный парк, в природной английской манере, занимающий холм Пинчо. Он был третьим по величине парком Рима, после виллы Дория-Памфили и виллы Ада. Построил его в 17 веке кардинал Шипионе Боргезе, племянник Камилло Боргезе, известный как папа римский Павел V.

В центре парка расположилась Галерея Боргезе, где были собраны произведения искусств знаменитых мастеров Италии. Основы художественного собрания заложил сам кардинал Шипионе еще в 16—17 веках. Боргезе была княжеская династия в Италии, которую прославил Камилло, став папой в 1605 году. Шипионе был большим почитателем работ Караваджо, он приобрел многие из важнейших работ этого мастера. На первом этаже располагались скульптуры, а на втором – живопись. Скульптуры в основном были работы отца и сына Бернини, а живопись работ Караваджо, Клода Моне, Ван Гога, Рафаэля, Рубенса и других живописцев.

Парк был самым обширным в городе, чтобы его обойти и насладиться в полной мере его величию и атмосферой, понадобился бы целый день. Здесь можно было познакомиться с многочисленными произведениями искусства, увидеть забавных животных в биопарке, развлекаться на аттракционах, прокатиться на лошадях, а может быть, даже увидеть настоящие скачки. Сюда приходили отдыхать семьями, посидеть на лужайке, покидать летающую тарелку своей собаке, послушать уличных музыкантов и просто провести время в выходные. Здесь влюбленные назначали свидание и гуляли по парку, сидели на скамейках, обнимаясь, целова-

лись и ворковали о любви. Это был один из романтических уголков этого старинного и прекрасного города, в который влюбляешься сразу.

– Давай сначала посетим Галерею, а потом посидим на лавочке и попьем коктейль? – предложил я Анжелике, как только мы зашли на территорию парка.

– Давай! Я хочу посидеть на той лавочке, напротив музыкантов, у них саксофон, мне нравится, как он звучит. – ответила Анжелика.

– Хорошо, договорились! – и мы направились в центр парка к Галерее.

– Ты, когда бываешь в городах, то часто посещаешь музеи? – спросил я у Анжелики.

– Не так часто, но если встречаются, то, конечно, иду.

Заплатив за вход 6 €, мы зашли внутрь. Перед нашими глазами предстали скульптуры работ Бернини. Здесь была скульптурная композиция «Аполлон и Дафна» из мрамора, которую создал Джовани Лоренцо Бернини. Сюжет скульптуры заключался в мифологической погоне бога солнца Аполлона за прекрасной нимфой Дафной. Настигаемая Аполлоном Дафна просит помощи у богов – и начинает превращаться в лавр. Герои запечатлены в тот самый миг, когда Аполлон практически настиг беглянку, но пальцы рук Дафны уже превращаются в ветви, а ноги – в корни лавра. Это было описано в одном из рассказов, включенном в «Метаморфозы», Овидия.

Скульптура «Похищение Прозерпины». Где властитель царства теней и умерших, Плутон похищает дочь громовержца Зевса и богини плодородия Деметры, Прозерпину. По легенде было это так. Однажды Прозерпина вместе со своими подругами гуляла в долине, где росли цветы. Не знала она, что ей приготовил отец ее Зевс. Он отдал ее в жены мрачному своему брату Плутону, и с ним должна была жить Прозерпина во мраке подземного царства. Плутон видел, как резвилась Прозерпина, и решил ее тут же похитить. Он упросил богиню Гею вырастить цветок необыкновенной красоты. Прозерпина увидела цветок и протянула к нему руку. Но только сорвала она цветок, как разверзлась земля, и появился мрачный Плутон на золотой колеснице. Он схватил юную Прозерпину и скрылся в недрах земли. Только вскрикнуть успела Прозерпина. Никто не видел, как похитил Плутон девушку, лишь бог солнца – Гелиос...

Поднявшись на второй этаж, там мы увидели много картин руки Караваджо, «Давид с головой Голиафа», «Мальчик с корзиной фруктов», «Святой Иероним» и многие другие известные работы мастера. Там были и другие шедевры не менее именитых и известных мастеров, такие как «Дама с единорогом» и «Положение в гроб» Рафаэля. «Оплакивание Христа» и «Святая Сусанна» Рубенса и много, много других известных в мире полотен.

Погуляв по галерее около двух часов, мы вышли на улицу, где уже спала жара и дело шло к вечеру, солнце уже не пекло, как днем, и направились к той самой лавочке, где захотела посидеть Анжелика и послушать саксофон. Нам повезло, что она была свободна.

– Тебе понравилось в галерее? – поинтересовался я, когда мы присели на лавочку.

– О! Это завораживает! Когда всматриваешься в картину или скульптуру, словно погружаешься в то время, в ту самую эпоху, у меня даже мурашки по коже бежали, когда я всматривалась пристально в картину «Мадонна с младенцем» Джованни Беллини.

– Это точно! Искусство потрясает своим великолепием!

Присев на лавочку напротив уличных музыкантов, которые играли известные композиции, солировал немолодой саксофонист в клетчатой рубашке и с большими и пышными усами. На носу висели смешные круглые очки, а седые волосы были зачесаны назад.

– Тебе какой коктейль принести? – спросил я у Анжелики.

– Шоколадный или клубничный! На твой выбор, – улыбнувшись, ответила она.

Оставив ее одну, я пошел в сторону ларька где делали коктейли. Пока я стоял в очереди, то безотрывно смотрел на нее. Она сидела и с восторгом в своих бирюзовых глазах смотрела на музыкантов, которые в это время наигрывали песню Стинга «Shape of my heart», до меня

тоже доносились эти чарующие звуки, я невольно вдруг вспомнил тот день в Париже, когда мы с ней познакомились, то наше самое первое свидание...

– Держи, я тебе взял клубничный, а себе шоколадный. Потом можем поменяться, – отвлек я ее от мыслей и рассмеялся.

– Договорились! – рассмеялась в ответ Анжелика.

Пока мы сидели и слушали музыку саксофона, мне в голову пришел один план, и я решил тут же его исполнить. Отойдя в сторонку, пока Анжелика слушала очередную композицию, которая мне опять напомнила то самое свидание, это была The Fugees —Killing Me Softly, как будто они специально играли для нас, я позвонил на фирму по прокату автомобилей и заказал машину на сутки.

– Пойдем, нас с тобой ждет небольшой сюрприз! – шепнул я ей на ушко, когда музыканты закончили играть.

– Какой сюрприз!? – посмотрела она на меня удивленно.

– Скоро узнаешь. – улыбнулся я в ответ.

Выйдя из парка, нас ждал уже автомобиль и парень лет 25, который протянул мне документы, для того чтобы я расписался, и ключи от машины.

– Ого! Мы опять куда-то собираемся ехать? Как тогда в Париже ты меня увез? – рассмеялась Анжелика, садясь в автомобиль.

– Да! Сейчас сама все увидишь. – сказал я, заводя машину и выезжая на оживленный проспект.

Закат на берегу

Один закат не похож на другой, краски неба не бывают одинаковыми.

Марк Леви, «Встретиться вновь»

Из Рима мы выехали на удивление быстро, пробок уже не было на выезде из города, и мы спокойно выехали на шоссе, которое вело к морю и в сторону аэропорта имени Леонардо да Винчи. Проехав через весь городок Fiumicino, мы выехали на мыс, где находился старый полуразваленный маяк. Оставив машину на парковке, на улице Via del Faro, с чудесным видом на Тирренское море, мы направились к воде. Взобравшись на большие каменные валуны, которые были по всему мысу, для усиления береговой линии от больших волн, спустились ближе к разбивающимся о камни волнам.

Море с маленькими белыми барашками уже было бронзово-золотым, в лучах от падающего в его пучины солнца. Недалеко от мыса находился международный аэропорт имени Леонардо да Винчи, где постоянно курсировали самолеты с разных стран и континентов, ежеминутно взлетая и заходя на посадку.

По морю сновали быстроходные катера, водные мотоциклы, небольшие парусные ботики. Вдали, в заходящем солнце, утопали медленно идущие по волнам яхты, рыбацкие шхуны, круизные лайнеры. Взмывали уносившие с собой на родину отдохнувших туристов аэробусы, поднимаясь все выше и выше в розово-красное небо, медленно исчезая за горизонтом. Лицо обдувал теплый южный ветерок, русые волосы трепетали, как тот флаг на теплоходе в Париже, открывая полностью улыбающееся лицо с волшебными ямочками на щеках, которые солнце так любило подчеркивать. В свете заходящего багрового солнца лицо Анжелики окрасилось бронзовым отливом, с той же легкой тенью в глубине ее волнующих ямочек. Бирюзовые глаза, не отрываясь, смотрели вдаль, где танцевали на своем фарватере суда и уплывали по небу за горизонт самолеты. Любуясь ей, я разглядывал каждый миллиметр, каждую черту, внутри бурлило от чувства, что она снова рядом и снова в закате счастливые глаза, как осенью на Монмартре. Ветерок доносил до меня легкий аромат нежных, цветочных духов, запах золотых волос, кровь стала вскипать, пробуждая во мне необузданную страсть, сердце снова было готово выскочить из груди в холодную воду, чтобы остыть, как тогда в Сене. Держа ее ладонь, я чувствовал, как моя ладонь горит и обжигает ладонь Анжелики. Чувствовал, что она тоже трепещет от моих импульсов, передающихся через горячую, как нагретый железный кусок металла на солнце, ладонь. Высвободив руку, обвив своими руками талию, прижавшись к ее спине, утонул лицом в развивающихся волосах, втягивая полной грудью смешавшийся запах волос и того самого манящего аромата французских духов, которые подарил ей тогда в Париже. Этот аромат унес меня в воспоминания о той осени, о том дне, когда я впервые ее увидел и встретил, совершенно случайно...

Воспоминания Парижа

Машина времени есть у каждого из нас: то, что переносит в прошлое – воспоминания; то, что уносит в будущее – мечты.

Герберт Уэллс, «Машина времени»

Это была ранняя золотая осень около десяти месяцев назад, я тогда прилетел в Париж на пару дней по работе. Так как были выходные впереди, то билеты на самолет взял на субботу утро, пару дней решил посвятить тому, чтобы побродить по Парижу и посетить Лувр, насладиться королевским дворцом и посмотреть художественные и исторические реликвии Франции, начиная со времен династии Капетингов и до наших дней.

Париж! О, это город любви, Елисейских полей, триумфальной арки и Эйфелевой башни, нет смысла даже перечислять все, тут каждый уголок неповторимый и незабываемый, своей красотой и стариной. Чувствуешь атмосферу французских королевских династий Бурбонов, Капетингов, Наполеонов. Если бы не моя работа, остался бы тут жить. Весь субботний день решил посвятить прогулке по центру города. Начав путь от своего отеля Hôtel de ville который был расположен на набережной с одноименным названием с самим отелем, что находится напротив острова Сете, на котором величественно возвышался Нотр-Дам де Пари.

Ранним субботним утром такси без пробок домчало меня до отеля. Расплатившись с таксистом, явно эмигрантом арабского происхождения, который не понимал ни по-английски, ни по-французски, ни тем более по-русски, взяв свой скромный багаж, из сумки с ноутбуком и небольшого дорожного чемодана, я зашел в отель. Пройдя через богато оформленное фойе на ресепшен, узнал у портье о брони на свое имя, протягивая паспорт. Оформив бумаги и взяв ключ от номера, я поднялся на второй этаж, по лестнице покрытый красным ковром и по бокам с позолоченными перилами. Войдя в номер, я сразу же подошел к окну и, отдернув плотные шторы, впустил в номер, как выстрел из крупнокалиберного орудия, поток лучей восходящего солнца. Окна моего номера выходили на остров Сете с видом на Нотр-Дам де Пари и дворец правосудия. Около минуты я стоял, глядя на просыпающийся город, распахнул окно настежь, впуская прохладный осенний воздух, вдыхая полной грудью его свежесть и дух Парижа. Глаза невольно впились в стены Нотр-Дам де Пари, разглядывая каждый сантиметр этого прекрасного собора с его двойным веянием стилей архитектуры: романский стиль Нормандии, мощное плотное единство и готический стиль, что предавало ему легкость, все это вместе дарило собору неповторимость и узнаваемость во всем мире, гордость и символ Парижа. Невольно вспоминалась книга Гюго, которую читал уже в который раз три месяца назад, перед глазами мелькали сцены с Квазимодой и Эсмеральдой на крыше собора, когда за ней пришли ее друзья и ломали дверь в собор. С Клодом Фролло и Фебом де Шатопер в домике на окраине и вонзенным кинжалом Эсмеральды, рукой священника, в спину капитана королевских стрелков. Вдоволь насладившись свежим утренним воздухом и видом собора, прикрыв неплотно окно, оставив проем для проникновения воздуха и задернув шторы, оставив небольшую щель, чтобы солнце немного освещало номер, но не нагрело его за весь день до ужасной, душной парилки. Переодевшись в свой любимый светло-серый шерстяной костюм от Джорджио Армани, надев под цвет костюма серую шляпу, из бельгийского кроличьего фетра от Джузеппе Борсалино, накинув на руку свой старенький, бежевый плащ, который подарила мне когда-то мама на юбилей, я спустился вниз и, отдав ключ от номера портье, вышел на уже довольно-таки оживленную улицу. Пройдя через площадь Place de l'Hôtel de ville, решил позавтракать в кафе Bistrot Marguerite. Сев у окна с видом на набережную реки Сена, поднял руку и подозвал официанта. Ко мне подошел молодой, высокий и худощавый, парень и, пожелав доброго утра, положил на стол объемное меню из черной рифленой кожи, напоминавшей кожу питона. У меня

не было большого желания изучать меню и придумывать себе завтрак, улыбнувшись, протянув его обратно, попросил официанта выбрать классический завтрак француза, но не слишком плотный. Официант, оживившись и широко улыбаясь, оттого что ему доверили такое ответственное дело, живо убежал на кухню, по пути что-то выкрикивая повару, размахивая руками и хлопая ими, словно подгоняя. В ожидание завтрака я смотрел в окно, по набережной уже прогуливались ранние прохожие, кто-то просто гулял, кто-то спешил на работу, хоть и была суббота. Совершали пробежки люди разных возрастов, катались на велосипедах. На площади перед отелем, на лавочках расположились старушки, о чем-то разговаривали, кормили хлебом и семечками голубей, чинно выхаживающих и качающих головой в такт шагу... Париж просыпался.

Через десять минут передо мной на столе уже стоял ароматный кофе, два круассана, масло и джем, тартинка, и, под влиянием английских традиций, в рацион французов стали подавать на завтрак яичницу с беконом, ну и, традиционный для многих европейских стран, стакан свежевыжатого апельсинового сока в высоком стакане.

Позавтракав, я вышел на набережную и пошел прогулочным шагом в сторону моста, «О Шанж», через Сену, который вел на остров Сете, к Нотр-Даму и дворцу правосудия. Разглядывая и любуясь домами и строениями города, времен Людовика XIV, выйдя на середину моста, остановился, облокотившись руками на перила, стал любоваться рекой, Эйфелевой башней, которая возвышалась над Парижем чуть вдали, предоставил лицо теплому осеннему солнцу. По реке сновали лодки, катера и прогулочные теплоходы с туристами, к каменным берегам были пришвартованы баржи, катера, плавучие домики, в одном из них где-то жил сам Пьер Ришар, прекрасный актер, которого я очень любил. Еще очень любил Луи де Фюнеса, с которым мы, кстати, родились в один день. Так я стоял минут двадцать, вспоминая сцены из французских фильмов, про блондина в черном ботинке, про жандармов с Луи де Фюнесом, «Большая прогулка» и много других добрых французских комедий.

По реке со стороны Эйфелевой башни приближался один из прогулочных теплоходов, мне стало интересно разглядывать лица людей, находящихся на верхней палубе, пытаюсь разгадать, что это за люди, из какой страны. Лица у всех светились от счастья, легкий ветер трепал их волосы, они слегка щурились от солнца и ветра, но дискомфорта явно не испытывали, а наслаждались прогулкой и видами города Парижа. На самой корме теплохода стояла лавочка, почти полупустая, с одного края сидела пожилая пара, все обвешенная аппаратурой, фотоаппарат, видеокамера, еще какие-то не понятные моему взору, штуки. С другой стороны – семья арабов, муж с женой и трое детей школьного возраста, по-восточному сдержано любуясь городом. Посредине, прямо под флагом Франции, установленном на леерах теплохода, который развивался на ветру и трепыхался, ломая лучи солнца, бросая тени на того, кто сидит под ним, смотря в никуда, практически пустым, грустным взглядом, сидела ОНА. Я стал внимательно изучать черты лица, каждый сантиметр, каждый дюйм, а внутри что-то начинало колыхаться, сердце начинало разгоняться и билось все быстрее и быстрее. Видимо почувствовав мой пристальный взгляд, она подняла свои бирюзовые глаза, наши взгляды встретились, с минуту мы просто впились взглядами, я не мог пошевелиться, сердце уже просто колотилось, как в цирке выбивают дробь барабаны перед опасным трюком. Минута показалась вечностью, утопая в этом взгляде, словно махая руками, пытаюсь выплыть и остаться хотя бы на поверхности, но меня затягивала эта очаровательная пучина вод ее глаз. Ветер поменялся, расправив колыхавшийся флаг, и солнце осветило ее лицо, озаряя его полностью, широко, но немного с грустью в глазах, она улыбнулась. Тут мое сердце готово было выскочить наружу напрямик в Сену, чтобы остыть, по телу бежала дрожь, так что руки стали трястись, а ноги подкашивались при одном только виде этих волшебные ямочек на ее щеках, с тенью в глубине каждой из них, которое солнце, наверное, специально подсвечивало своими лучами. Теплоход предательски быстро зашел под мост, пряча ее вместе со своим железным и массивным корпусом.

сом. Не в силах пошевелиться, внезапно разум меня выдернул из этого состояния оцепенения и внутренний голос крикнул: «Очнись, беги на ту сторону!». Резко рванув через дорогу на противоположенную сторону моста, по пути чуть не сбив старушку, гулявшую с маленькой болонкой, и чуть не попав под машину, проезжавшую мимо, я побежал в надежде снова встретиться взглядами. Старушка, отдернув за поводок собачку, стала что-то ворчать в мою сторону, а водитель истошно орать из окна своей машины, сигналивая, что есть сил. Извинившись перед старушкой, на ходу крикнув ей «Excusez moi!» и водителем, махнув ему рукой и кивая головой в виноватом жесте, перебежав через дорогу, я увидел теплоход, который уже вышел из-под моста и был примерно в пятидесяти метрах. Флаг, развиваясь, закрывал ее от моего взора, внутри был просто смерч непонятных чувств, сердце дико билось, меня всего трясло от волнения, хотелось прыгнуть в холодную воду Сены и плыть за теплоходом. Я молил Бога, что бы она снова повернулась, когда флаг на мгновение открывал ее и я видел, голову с золотистыми волосами, которая была неподвижна. Когда теплоход прошел еще метров сто, наверное, почувствовала мой взгляд, а может быть и сама захотела, она повернулась и наши взгляды вновь встретились, и вновь эта улыбка с ямочками открылась моему взору, озарив мир вокруг меня, который не видел никто, кроме меня. Она подняла руку и помахала мне. Тут внутри все перевернулось... Не зная, что делать, мысли носились в голове, как рой пчел. Постояв несколько секунд в смятении, я рванул по мосту на набережную, по пути расталкивая и пугая прохожих, потеряв при этом сорванную от встречного ветра и резкого старта шляпу. Хотел было вернуться за ней, так как молодая девушка с коляской уже подобрала и стояла, протягивая ее мне, но, махнув рукой, я побежал по набережной, догоняя теплоход. Теплоход шел немного быстрее, поэтому угнаться за ним было сложно, но я бежал и бежал, не чувствуя усталости, мне даже было немного смешно, представив себя со стороны. Пальто развевалось, как у супермена, который летит над набережной, отчего улыбка светилась на лице в два раза сильнее, от мысли, что сейчас вновь увижу ее, и от вида супермена, который летел над набережной в «бреющем» полете. Прохожие в недоумении шарахались по сторонам и смотрели на меня, удивленно и улыбаясь, видя счастливого супергероя, летящего в неизвестном направлении по набережной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.